

ИВАНОВЪ ДЕНЬ

ВЪ СЕЛѢ НОВОМЪ ЛИКЪЕВѢ

нижегородскаго уѣзда.

„Не взмилось-бы и красное солнышко, если-бы оно только жгло и пекло, и если-бы не было ни росы, ни дождя на широкія поля и зеленые луга“, за-частую говоритъ сельскій житель.

Ту-же рѣчь прикладываетъ онъ къ каждому базару и годовому торгу. Гдѣ-бы чего взять къ порѣ, ко времени, если-бы не было подъ рукой базара? Что и въ деньгахъ, безъ вещи необходимо-нужной для домохозяйства....

Ивановъ день извѣстенъ всѣмъ жителямъ тѣхъ пяти волостей, которыя были описаны нами прежде *). Въ этотъ день, въ 24 число іюня, ежегодно бываетъ ярмарка въ селѣ Новомъ Ликъевѣ. Наканунѣ съезжаются сюда, на подторжье, краснорядцы, холстовники, щепетильники и разные торговцы. Они пріѣзжаютъ обыкновенно съ ярмарки оранской, смѣло разсчитывая попользоваться барышкомъ. И дѣйствительно, при хорошей погодѣ въ ивановъ день бываетъ многочисленное собраніе народа со всѣхъ окрестностей и продажа бойкая, такъ что часто не достаетъ самыхъ товаровъ. Торговлѣ много помогаетъ и самое время. „Не гребень, говоритъ пословица, чесеть голову, а времячко“ и „Не годь, говоритъ другая, кормить крестьянина, а день“. Такъ и ивановъ день весьма нуженъ крестьянину. Гулять ему остается недолго. Съ петрова дня онъ примется за косу; стало быть ему понадобятся: коса и лопатка, и грабли, и для питья бурачекъ, и для пищи кувшин-

*) См. «Ниж. Сборникъ», томъ II, 1869. Стр. 189—215.

чикъ и т. п.,—все это можно купить въ ивановъ день. А у хозяйки-крестьянки холсты ужъ вышли изъ дѣла, вытканы и выбѣлены—надо продать-бы и купить либо мужу на рубаху, либо дочери-невѣстѣ на московскій и фартукъ, пока лѣто не прошло; а гдѣ продать или купить, кромѣ иванова дня? „Макарѣвская“ еще не скоро, да и цѣны тогда, по многолюдности, дешевле. И вотъ, съ ранняго утра 24 числа въ село Ликѣево начинаютъ тянуться вереницами жители со всѣхъ сторонъ, и пѣшіе и конные, и мужчины и женщины, и парни и дѣвки, во всемъ праздничномъ нарядѣ; одни для покупокъ, а другіе погулять, или какъ выражаются, на людей посмотреть и себя показать.

Видъ ярмарки походить на толкучій рынокъ; одни торгуютъ въ лавкахъ, другіе на возахъ, а иные на рогожкахъ и всѣ впрочемъ, размѣщены въ порядкѣ симметрическомъ. Весь базаръ можно раздѣлить на 12 рядовъ.

Въ первомъ изъ нихъ, въ лавкахъ, помѣщаются торговцы съ краснымъ товаромъ. Всѣ они большею частью изъ нижегородскаго уѣзда; есть и изъ вязниковскаго, владимірекой губерніи. Здѣсь для сельскаго жителя все можно найти: сукно, шелковыя матеріи, ситца разныхъ фабрикъ, заграничныя шерстяныя матеріи, платки шелковые и бумажные, сарпинку, бумагу уточную, вату и проч.

Во второмъ ряду—щепетильники; они всѣ почти изъ сосѣднихъ селеній, какъ-то: Борисова, Чернухи, Ключищъ, Безводнаго, Мирши, Толстобина, Цедня, Грязновки и проч. Здѣсь продаются: пояса, гарусы, шнуры, тесемки, ленты разныхъ—шелковыя, бумажныя, шерстяныя, пеньковыя, помада, кольца, серьги, крючки разныхъ сортовъ, позолоченные, серебряные, запонки бронзовыя, томпаковыя; нитки заграничныя, сандалъ, румяны, стекла лампы и т. п.

Далѣе, въ третьемъ ряду—пряничники, торговцы сель: Ликѣева и Безводнаго. У нихъ продаются пряники: медовые, сахарные и паточные, коврижки, жемки, орѣхи всякихъ сортовъ—грецкіе, кедровые, простые, медъ разной цѣнности, изюмъ и проч.

Въ четвертомъ ряду—холстовники. Закупкой холстовъ занимаются купцы нижегородскіе и арзамасскіе, и сбываютъ ихъ

большей частью, за-границу, или продають на ярмаркахъ: воронежской, харьковской и переправляютъ черезъ Одессу въ другія мѣста.

Пятый рядъ—железный. Съ железнымъ товаромъ привѣзжаютъ, кромѣ торговцевъ изъ сосѣднихъ селеній, павловскіе, и притомъ съ издѣльями, необходимыми для крестьянина. Сюда относятся: топоры, сошники, полицы, поддошки, вилы, железныя лопаты, заступы, петли, ножи, замки, вилки и проч.

Въ шестомъ ряду, на повозкахъ—косники, торговцы изъ уѣздовъ: нижегородскаго, лукояновскаго и княгининскаго.

Въ седьмомъ ряду—торговцы съ деревянной посудой. Здѣсь продаются: кадки, боченки, бураки, чашки, ложки, солонки, пещера, грабли, лапти и проч.

Восьмой рядъ—шорный; торговцы—изъ села Богородскаго и окрестныхъ селеній. Товаръ у нихъ: хомуты, и проч. упряжка конская, равно снасти, веревки. По той-же линіи, въ рядахъ, продаются: лѣтняя обувь мужская и женская, картузы, шапки, для лѣтняго хода колесы, для точенія косъ—лопатки, бруски, для тканья холстовъ и суконъ—берды; далѣе—пареная груша, дудля и квасъ. Весь оборотъ торговли доходитъ до 25.000 р.

Въ 1874 году было привезено на ивановскую ярмарку товаровъ:

Красноярдцами	на	11.000	р.
Щенетильниками	—	1.750	—
Пряничниками	—	5.000	—
Железнаго товара	—	800	—
Косниками	—	800	—
Деревянной посуды	—	700	—
Шорниками	—	2.000	—
Колесниками	—	400	—
Снастей и проч.	—	200	—
Лопатокъ, брусковъ	—	101	— 50 к.
Сапожниками	11 повозокъ, съ сапожнымъ товаромъ.		
Картузниковъ	было 5 человекъ.		
Грушниковъ	7 человекъ.		

Не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ заканчивается ивановъ день, тѣмъ болѣе, что конецъ ярмарки каждагодно бываетъ однообразный. Разгульная молодежь собирается среди села, въ назначенное мѣсто; играетъ кругами, поетъ пѣсни и заканчиваетъ свое веселье пѣсней такого рода:

Я московскій былъ трактирщикъ,
Я на фабрикахъ живалъ,
Разны ситцы набиралъ,
Получалъ денегъ не мало,
Сотъ восемь рублей,
А въ деревню не хватало,
Шестьдесятъ отдать въ оброкъ.
Безъ оброка было можно;
Я имѣлъ въ своихъ рукахъ,
Въ бѣломъ фартучкѣ красотку,
И въ сафьянныхъ башмакахъ,
Въ ушахъ серьги золотыя,
А на ручкахъ перстеньки;
Придетъ праздникъ,
Душегрѣйка, сарафанчикъ съ галуномъ,
Вотъ моя послѣдняя копейка
Вылетаетъ вверхъ орломъ;
Заберемся мы въ избушку,
Когда мать съ отцомъ уйдетъ,
Тамъ мы сдѣлаемъ пирушку,—
Только дымъ столбомъ пойдетъ.
Пріѣзжай домой, мошенникъ,
Отецъ съ матерью бранить,
Экой ты с..... с..., бездѣльникъ,
Куда денежки дѣвалъ?...
Всѣ товарищи приносятъ
Двѣсти, триста рублей въ годъ,
Отъ тебя мы не видали
Лѣтъ пять больше ничего;
Намъ недавно рассказали,
Мы узнали отъ чего.
Полно, Вася, волочиться,
Съ долгохвостыми гулять,
Не пора-ль тебѣ жениться—
Перестанешь баловать.

Ну, теперь меня женили,
Объ чемъ больше тосковать.
И опять въ городъ пустили,
Снова деньги наживать;
Одинъ годъ я постарался,
Семь я сотенокъ досталъ,
Жить въ дому остался.
Свою женушку ласкалъ;
Но случилось несчастье
По Кунавину пройти;
По Кунавину прошелъ,
Въ одну улицу зашелъ—
Въ одну улицу зашелъ,
Свою прежнюю нашелъ.
Поздоровалась, спросила:
«Мнѣ сказали, ты женился»?...
Разговоръ не тотъ пошелъ *).

Съ окончаніемъ послѣдняго куплета все расходятся.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о самомъ селѣ Лигвѣвѣ. Оно принадлежало, во время крѣпостной зависимости, княжнѣ Голицыной. Крестьяне занимаются въ зимнее время выдѣлкой овчинъ, печеньемъ пряниковъ, особенно коврижекъ, столярной работой—сундуковъ, столовъ, рамъ домовыхъ, и въ лѣтнее—хлѣбопашествомъ. Здѣсь имѣется волостное правленіе, училище, нитейной домъ, харчевня. Старообрядцевъ въ селѣ очень много. Въ полуверстномъ разстояніи отъ села, на югъ, находится мукомольная водяная мельница, на берегу рѣки Кудьмы, близъ горы, называемой „Выдры“. Возвышенность ея, мѣстами, простирается до 25 сажень; грунтъ—чисто-алебастровый. Добычей алебастра въ селѣ почти не занимаются: рѣдко-рѣдко кому понадобится нѣсколько пудовъ.

Священникъ А. И. Борисовскій.

*) Дабы не возразили намъ пословицей: «Не стоитъ дуда пѣсни», добавимъ, что, записывая эту пѣсню, мы желали обратить вниманіе на обычай народа пѣть изъ года въ годъ, при концѣ разгула, именно эту, а не другую пѣсню.